

пускается (: 109—111). Третий из принципов, «по которым составлены эти законы», гласит: «Каждый знает, что он хочет жить свободно и что того же желают и другие». Это — еле прикрытая цитата из «Декларации независимости США»: «Мы считаем очевидными следующие истины: все люди сотворены равными, и все они одарены своим создателем некоторыми неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат: жизнь, свобода и стремление к счастью» (ср.: «Декларация прав человека и гражданина» 1789 г., ст. 1,2). Впрочем, преклонение перед «Ура Линдой» не помешало Г. Вирту всю жизнь быть сторонником экстремистских идеологий.

III.14. Державность

Как же, однако, определить, переживает ли этнос подъём или упадок? Об этом специально не говорится нигде, но можно почувствовать, что критерий этот — прежде всего биологический: численность популяции и размер занятого ею ареала. В отношении людей то и другое означает, что расцвет этноса обозначен державной мощью. «Так за счёт чего же ослабел этнос арабов-завоевателей, раньше чем политическая система халифата и задолго до кризиса “мусульманской культуры”?» — спрашивает, например, Л. Н. Гумилёв (1990: 35). Под этим «ослаблением» здесь понимается конец арабских завоеваний и кризис государственного единства, когда эмиры начали превращаться из наместников халифа в полунезависимых правителей. Выше этого критерия нет ничего. Даже культура и та не столь важна.

С этой точки зрения современные западные страны переживают явный упадок: колониальные империи развалились, население сокращается. Но почему-то остальной мир завидует этому «гниющему» Западу! Тщит себя надеждой: вот-де скоро мы — почему-то именно мы! — станем его наследниками. Между тем нет оснований считать, что западная цивилизация гибнет или хотя бы утрачивает мировое духовное лидерство. Скорее она переходит в новое качество, при котором господство утрачивает территориально-государственный характер, а уровень подготовки каждого отдельного человека важнее, чем механическая численность населения. Поэтому старые критерии расцвета и упадка неприменимы к такому миру.

Поэтому, кстати, Гумилёв и не рассуждает о пассионарных толчках Нового времени, в чём его упрекает А. Л. Янов (1992: 110—112): это не только привело бы его к открытому конфликту с марксизмом, чего сам автор хотел избежать, но и вообще его теория могла бы быть применима только к аграрному обществу, ещё не пережившему промышленной революции.

Правда, выше (см. п. 9.4) Л. Н. Гумилёв измерял «пассионарное напряжение» «числом субэтносов в этносе». Однако на практике, когда речь заходит не об общем принципе, а о конкретных случаях, увеличение этого числа всегда оказывается симптомом распада, если только начинает вредить державной мощи. Поэтому последний признак приходится считать для Л. Н. Гумилёва первичным.

Шпенглер кратко и чётко определяет своё отношение к идее державности во 2-м томе «*Заката Европы*»: «Мировая история — это история государств. История государств — это история войн» (цит. по: Свасьян 1993: 105).

Тойнби же посвящает этому вопросу десять страниц (: 214—224) и приходит к выводу: «Таким образом, эмпирический анализ показывает, что прогрессивное и кумулятивное завоевание человеческого окружения напрямую связано с тер-

риториальной экспансией, направленной от географического центра цивилизации к периферии, но это ни в коей мере не может считаться правомерным показателем роста цивилизации. Пожалуй, единственным социальным последствием территориальной экспансии можно считать ретардацию⁶², или замедление роста, но никак не усиление его. Причём в крайних случаях наблюдается и полная остановка роста» (Тойнби 1991: 217). «Таким образом, общество, переживающее упадок, стремится отодвинуть день и час своей кончины, направляя всю свою жизненную энергию на материальные проекты гигантского размаха, что есть не что иное, как стремление обмануть агонизирующее сознание, обречённое своей собственной некомпетентностью и судьбой на гибель» (: 224). И вывод автора: «Ход рассуждений привёл нас к заключению, что критерий роста следует искать в прогрессивном процессе самоопределения» (Тойнби 1991: 250).

Но если рост цивилизации определяется не военным могуществом, тогда чем же? Таких признаков оказывается четыре: «прогрессирующее упрощение, этерификация, трансференция действия и самодетерминация» (Тойнби 1991: 261). При этом этерификация комментаторами русского издания трактуется как «общецивилизационный процесс развещствления: замена мускульной энергии энергией пара в технике, замена пиктографического знака алфавитным и т. п.», а трансференция — как «перенос результатов духовной работы личности в сферу внешних социокультурных отношений» (: 702, 261). Это довольно близко к идеям Г. Спенсера, видевшего критерий прогресса в совершенствовании социальной структуры.

В отношении же государства как аппарата А. Дж. Тойнби не столь далёк от позиции князя П. А. Кропоткина, долго жившего в Англии и оказавшего немалое влияние на некоторых английских интеллектуалов того времени — например, на Р. Рэдклифф-Брауна. Уже кропоткинское выражение: в основе государства лежат «союзы правящего меньшинства» (Кропоткин 2004: 630), в отличие от других, нормальных с его точки зрения, союзов, — заставляет вспомнить лексику Тойнби. Но особо заметно это сходство позиций в оценке роли городских коммун средневековья. Эти республики, возникшие в результате «революции двенадцатого века» (: 633), князь-анархист считал формой коммунистической (в буквальном смысле слова) безгосударственной социальной организации, а Тойнби выделял в особую цивилизацию — «космос средневековых городов-государств». Анализу этого принципиально важного для его идей «космоса» П. А. Кропоткин (2004: 633—643) уделил гораздо больше места, чем А. Дж. Тойнби:

«В течение одного столетия это движение распространилось (нужно заметить, путём подражания) с замечательным единодушием по всей Европе» (Кропоткин 2004: 635). Как видим, Кропоткин предвосхитил даже тойнбианскую идею мимесиса — подражания, играющего положительную роль. «Под защитой своих вольностей, выросших на почве свободного соглашения и свободного почина, в этих городах возникла и развилась новая цивилизация с такою быстротой, что ничего подобного этой быстроте в истории не встречается ни раньше, ни позже. Вся современная промышленность ведёт своё начало от этих городов <...>» (Кропоткин 2004: 641, выделено мной — Л. М.). «В шестнадцатом веке явились новые, современные варвары и разрушили всю эту цивилизацию средневековых вольных городов <...>. И кто же были эти варвары? Не кто иной, как государство — вновь возникший тройственный союз между

⁶² Ср. французское: être en retard — опоздать.

военным вождём, судьёй (наследником римских традиций) и священником, тремя силами, соединившимися ради взаимного обеспечения своего господства и образовавшими единую власть, которая стала повелевать обществом и в конце концов раздавила его» (Кропоткин 2004: 643—644). Чтобы превратить это рассуждение в тойнбианское «поглощение космоса городов-государств западной цивилизацией», достаточно небольшой стилистической правки.

Итак, можно констатировать, что английскому автору державный идеал чужд. Больше того, как видно из его очерка истории Афин и Венеции (Тойнби 1991: 310—316), «поклонение эфемерной личности» — социуму или державе, включая их привычную роль, — есть одна из форм, ведущих к гибели культуры.

В. Н. Дёмин, при всех своих патриотических симпатиях, не был державником. В 2000 г. он составил *«Заветный список»* книг, повлиявших на формирование его мировоззрения⁶³. И в этом списке раздел «до 20 лет» завершается трудами М. А. Бакунина: *«Государственность и анархия»*, *«Исповедь»*. Что, кстати, многое объясняет: в отличие от своего коллеги по движению — князя П. А. Кропоткина, — Бакунин был очень путаным философом, что и засвидетельствовал Р. Вагнер по личным воспоминаниям времён подготовки к Дрезденскому восстанию:

«Так как каждый разговор он неуклонно сводил к разрушению, то я обратился к этому удивительному человеку с вопросом, как он думает приступить к делу. Тут обнаружилось, как я уже догадывался раньше и как это выяснилось теперь с полной отчётливостью, что всё у него построено на произвольных предположениях. С моими планами организации искусства будущего я рисовался ему человеком непрактичным, витающим в облаках. Но оказалось, что и его проекты относительно неизбежного разрушения существующих культурных учреждений по меньшей мере так же мало основательны, как мои» (Вагнер 2001: 732—733).

И не такую же неосновательность мы видим у В. Н. Дёмина? Впрочем, отсутствие державных иллюзий делает честь лишь ему самому: он не опустился до воспевания какого-нибудь очередного «тысячелетнего рейха». Но кому дано знать, «как слово наше отзовется»? Кто продолжит дело автора и в каком направлении? Чтобы соединить «гиперборейскую» (она же «нордическая») идею с державностью, много усилий не нужно, более того — уже есть готовый шаблон.

Н. С. Трубецкой, основоположник евразийства, в отличие от многих своих последователей, был аполитичен. Как отмечает его биограф: «Хотя ему приходилось писать статьи в жанре политической публицистики, он избегал прямого участия в организационно-пропагандистской деятельности и сожалел, когда евразийство сделало уклон в политику. Потому в истории с газетой “Евразия” он занял однозначно-непримиримую позицию по отношению к левому крылу движения и вышел из евразийской организации, возобновив публикации в обновлённых изданиях лишь через несколько лет»⁶⁴. Хотя кн. Трубецкой был пламенным пропагандистом «идеократического государства», это относится не столько к его историческим взглядам, сколько к социальному идеалу. Рассуждая об украинской проблеме, он специально подчёркивает, что вопрос о культурном единстве Украины и Великороссии как

---

⁶³ <http://www.trinitas.ru/rus/doc/avtr/00/0167—00.htm>

⁶⁴ <http://www.kulichki.com/~gumilev/TNS/tns00.htm>

двух проявлений «общерусской» (восточнославянской) культуры⁶⁵ не связан с вопросом о государственном единстве, и отказывается рассуждать, войдёт ли Украина в состав России или будет независимой (Трубецкой 2007 б {1927}: 508—509).

Общество, описанное в «*Ура Линде*», ведёт лишь оборонительные войны, подвергается агрессии, но само не агрессивно. В «*Совете Фрейи*» запрет нападать «на народ Лиды или народ Финды» возведён в принцип и подкреплён угрозой, что Бог будет в этом случае на стороне жертв нападения (: 102). Если же фризам не хватает земли, то единственный дозволенный способ получить её у соседей — покупка (: 118). В идеальную эпоху, когда ещё стоял Альдланд (Атлантида), даже «люди Финды» не нападали на избранный народ. Лишь катастрофа и земельный голод привели к войнам, а те, в свою очередь, — к появлению королей у фризов. Заметим, что это совсем не похоже на то, что мы знаем о средневековых фризах — главных пиратах не только Северного, но и Балтийского моря.

Творчества же нет вообще. Всё, что есть, дано свыше.

Итак, ни авторы «*Ура Линды*», ни Г. Вирт не были державниками. Этого нельзя сказать об А. Г. Дугине. В начале августа 2008 г. он выступил с заявлением, в частности, о том, что величие России заключается, прежде всего, в будущих военных победах. Случайно или нет, но это заявление практически совпало по времени с началом «пятидневной войны» в Южной Осетии и с военными учениями «Наших» на Селигере: последнюю новость деловая интернет-газета «Взгляд» поместила в одной заметке с сообщением о речи Дугина (Слава российских воинов 2008). Оратор умолчал об одном: в ядерный век большая война — самоубийство человечества, а «локальная» война — часть «великой шахматной партии» крупных держав. В таких условиях военные победы возможны только двух родов: либо расправа над слабым противником, либо карательная операция. Но ни то, ни другое давно уже не приносит лавров.

Таким образом, мы снова видим, как связан на самом деле исторический Миф. Достаточно принять некоторые его предпосылки, как остальные появятся следом, хотя бы и против воли первоначального автора.

III.15. Исторический этноцентризм

Главный признак историцизма, указанный ещё К. Р. Поппером, — стремление увидеть в истории единственную движущую силу, закономерность и цель. В этой связи часто вспоминают знаменитые слова из коммунистического «*Манифеста*»: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» (Маркс, Энгельс 1985: 142). Наши же авторы убеждены, что «всякая история есть история борьбы» этнических групп. В одном из интервью Л. Н. Гумилёв рассказывал, что озарение именно этой мыслью стало толчком для построения его исторической концепции.

«Большие доли беспечно и детски растрчивающей себя северной крови поддавались пленительным соблазнам, оказались готовыми к услугам даже для носителей наполовину вымышленного древнеримского великолепия, и лишь обнажали слишком часто свой меч против всего мира, служа фантазии, и стали вместо родоначальников,

⁶⁵ Н. С. Трубецкой пользуется дореволюционной терминологией, называя «русскими» всех восточных славян, включая великороссов, украинцев и белорусов. Уже в его время такое словоупотребление не было общепринятым даже среди эмигрантов и вело к чисто терминологической путанице.